

Даниил Чкония

ДИТЯ ЛЮБВИ

Михаил Холмогоров (1942—2017) — известный русский прозаик и эссеист ушел из жизни в год своего 75-летнего юбилея. Его книга «Презренной прозой говоря» стала своего рода прощанием с близкими людьми, друзьями и его читателем. Свой читатель у него был, читатель, который ценит красоту живого русского языка, читатель, знающий цену точному слову и звуку, умной речи, за которой раскрывались самобытное мышление и незаурядный ум автора. Знакомство с нынешней книгой Холмогорова требует уточнения: читатель у этого автора — есть и будет.

В книгу вошли эссе «Путешествие по воду» и «Хождение за трилеса», сочиненные в деревне Устье Тверской области, где он жил в теплые месяцы в течение многих лет, впервые публикующиеся выдержки из «летних» дневниковых записей и размышлений за десятилетие 2006—2016, а также автобиографическое эссе «Кто я? Откуда?», написанное специально для этой книги.

Внешне Холмогоров оставлял впечатление человека неулыбчивого, не склонного к тусовочной атмосфере, что о себе и пишет, хотя на самом деле был умным проницательным собеседником, подчеркнутым остроумным. Иронии, и прежде всего самоиронии, у него хватало. Иронический взгляд на окружающий мир обращает на себя внимание читателя с первых страниц этой книги: «Зачат я был между словами "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами" (Молотов, 22 июня 1941 года) и "Братья и сестры... К вам обращаюсь я, друзья мои" (Сталин, 3 июля). Мама, когда я спросил ее об этом, подтвердила: в ту пору было не до контрацепции... Когда у

мамы начались схватки, позвонила в ближайший роддом в Леонтьевском переулке, кажется, имени бесплодной Крупской (с тактом у большевиков все было в порядке: если роддом, то или имени бесплодной Крупской или старой девы Клары Цеткин), где родился Олег. "Да-да, — сказали, — приезжайте". Приехала. Там — солдатский госпиталь, всеобщее ржанье. Но надо знать мою маму. "Хорошо, я прямо у вас начну рожать!" Всполошились и сами отвезли на Большую Молчановку, 7, в роддом Грауэрмана. И так, дитя не любви, как старший братец, а тревоги. Возможно, это каким-то образом сказалось на моем духовном существовании».

Михаил Холмогоров обладал ранней памятью, благодаря чему в книге немало места отведено воспоминаниям младенческой поры. А живая память взрослого человека предстает перед нами на страницах, посвященных родословной автора. Он не скрывает своей полной достоинства гордости поколениями своих предков, обретении ими дворянства. Осознание дворянского происхождения, по Холмогорову, равнозначно представлениям об ответственности за свою страну, за язык, культуру и нравственное состояние человека. Он не мог оставаться равнодушным к подлости и бездарности людоедской власти, не мог без боли отнестись к рабской покорности этой власти. Отсюда — раннее обретение своей позиции в жизни и литературе, что для писателя было единым: «Разоблаченный обман. По радио все время читали "Счастливым днем суворовца Криничного". Иззавидовался суворовцам. Дорвался до книжки — дикая скука и вранье. Такая же история с Гулей Королёвой, героиней книжки "Четвертая высота". И — страшно вымолвить! — мать главной героини нашего детства Зои Космодемьянской и в выступлениях по радио, и, тем более, в "Повести о Зое и Шуре" своей

Михаил Холмогоров. Презренной прозой говоря. — М.: Бослен, 2019.

неискренностью, дидактикой и самохвальством убивала восхищение подвигом дочери. Это была типичная советская училка, к тому же явно прочитывалось, что Шура был нелюбимым ребенком. Все-таки в детстве у меня, судя по отвращениям, вкус был. Я был чувствителен к фальши и в стихах, и в прозе». Последнее замечание автора подтверждается всей его книгой, всем его творчеством.

И с откровенной горечью он размышляет: «Мы всегда опираемся на авторитет старших, оглядываемся на них, ожидая оценки. Но у меня взгляд уходит в пустоту. Грамоту я освоил в конце 1948 года. Папа умер месяца за четыре до этого события, предопределившего, как окажется, мои будущие профессии. Мама успела подержать в руках журнал с первой публикацией моей прозы, но уже не в силах была ее прочитать. Старший брат Олег всего месяца не дожил до того дня, когда я поставил последнюю точку в романе "Жилец". Одно утешает: а вдруг они там все-все знают про нас...»

Размышления Михаила Холмогорова связаны не только с литературой, с чистотой речи, с богатством языка, когда он грустно констатирует: «Что-то не торопится красота спасать наш хрупкий мир. Красота требует мудрости и созерцательной тишины. А глупость шумна, экспрессивна, энергична и зачем-то награждена Вседержителем неумной и грубой физической силой». Его тревога связана прежде всего с тем, как сменялась российская действительность. Писатель напрочь лишен сюнявого сюсюканья и показного умиления «народом». Холмогоров знает силу языка и слова, но от того не менее тревожно его отношение к путям, избираемой страной жизни. К этой теме взаимоотношения речи и осознанности пути народной жизни возвращается автор на примере Анны Ахматовой: «Едва ли не самое удивительное в мудрости Анны Ахматовой — ее реакция на вторжение фашистской Германии:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...

Нуда, слово — главная и даже единственная ценность народа. Особенно русское слово, достигшее в XIX веке неслыханного расцвета.

Пруссы слова не сохранили и всем народом растворились в тевтонах-завоевателях, в отличие от латышей и эстонцев, покоренных тогда же и до 1918 года не имевших своего государства/.../. А сколько раз армяне теряли свою государственность! Только речь и надо спасать при всех курбетах истории. Пoesия Ахматовой спасала русский язык от нашествия хама, хлынувшего на печатные страницы после Октября».

Холмогоров непреклонен в своей позиции по отношению к большевистской власти, ее методам и способам править страной. Достается Ленину, Троцкому, Сталину и прочим. Где-то на полях дневника он признается, что жена Елена, друг, советчик, а в некоторых случаях и соавтор, иронически замечает, что он все еще выясняет свои отношения с советской властью. Но частые пассажи на эту тему в книге Михаила Холмогорова показывают, что это вопрос актуальный, как никогда. И здесь не могу обойтись без следующей протяженной цитаты:

«Жалея "маленького человека", поглаживая его реденькие, обсыпанные перхотью волосенки, мы выращиваем тирана. Достоевский еще в "Бедных людях" показал комплексы этого типа, возмущенного "Шинелью" Гоголя. А потом развил в чиновнике Лебедеве и в капитане Лебядкине, разверзнув бездну ущемленной и потому агрессивной идеологии.

Посмотрите на портреты Гитлера — это тот самый маленький человек, которого мы привыкли жалеть, вздыхать по его несчастной судьбинушке. В том и обаяние тиранов, что они — как самые жалкие из нас. Многих и в лидеры выбирали, как временные, всех устраивающие фигуры, послушные сильным умникам, где-то из второго ряда. Того же Сталина в еще ленинском политбюро несколько презирали — звезд с неба не хватало, не то что Троцкий или Каменев. А потом то же повторилось и с Хрущёвым. В конце 80-х ржа и лжа так разъели идеологические конструкции, что все были уверены — ни при какой погоде им не возобновиться. Ничего подобного! Власти пугают самих себя и доверчивый народ Америкой, притягивающей на "лакомые кусочки", потихоньку отряхивают от печальных истин

труп Сталина, потекают, тоже негласно, националистам. А сейчас я ожидаю, что свободу слова вот-вот прикроют. Без цензуры — экономически. И мы опять искусаем локти, что не сумели воспользоваться, проворонили последний шанс».

Ярко сказано.

К слову о яркости. В данном случае — о яркости образа. Автор размышляет о творчестве самого яркого русского писателя девятнадцатого века — Николая Лескова. Речь о мощной метафорике, о языке, который кажется истинно народным. Но постепенно, отмечает Холмогоров, возникает чувство назойливости и искусственности лесковской яркости: «Усвоив ее конструкцию, вжившись в ритм, такую прозу можно писать километрами».

Автор полон уважения и понимания достоинств лесковской прозы. Но это не мешает ему предъявлять высокие требования к нему. И ставит в пример прозу более, на его взгляд, мощного таланта — Андрея Платонова. Этим Холмогоров и интересен. Он взвешивает жизнь слова у самых авторитетных имен, делая свои, порой не осмысленные нами, выводы.

Он не боится сопоставлять имена, во-первых, зная, что от классиков не убудет. А, во-вторых, ревностно оценивает дар и его воплощение в творчестве литераторов прошлого или сегодняшнего времени. Вот, пример:

«От Грибоедова осталось: Вальс.

Бриллиант, отданный персидским шахом русскому царю за его несчастную голову.

Комедия "Горе от ума".

Комедия по своей ценности перевесит не то, что бриллиант — весь Алмазный фонд. Даже Пушкину не удалось в одном произведении рассыпать столько будущих пословиц, что он сам признал в известном письме Бестужеву».

Перелистываешь страницы книги Михаила Холмогорова и ловишь себя на желании цитировать его снова и снова. Потому что понимаешь, какой умный собеседник или проводник по жизни и литературе пригласил тебя к общению!

Ближе к завершению книги автор размышляет:

«Боюсь ли я смерти? Нет, не боюсь, да и странно было бы бояться, дожив до семидесяти с лишним лет. Страшны тяготы умирания, физическая боль и бессилие.

А там — просто-напросто переход в иное состояние. Мы так и не знаем, что делается с нашими душами. Ушедшие иногда являются к нам во сне. Но вызвать их, засыпая, — пустое дело. Они если и приходят, то без спросу. Да, в последние минуты бодрствования можешь вызвать их образы, поговорить... Но погружение в сон отменяет все надуманные представления и о живых, и о мертвых».

Вспомним, как, посмеиваясь над своим приходом в этот мир, Михаил Холмогоров сказал, что он не дитя любви. Писатель такого дарования, человек такого достоинства, он — дитя любви и живой памяти благодарного читателя.